

Раймонда МОНЬЕ

СЕНТ-АНТУАНСКОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ (1789-1815)

Французский ежегодник, 1987,

посвященный 200-летию Великой французской революции.

М.: Наука. 1989.

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* ©

27 апреля 1789 г. Сент-Антуанском предместье вспыхнул мятеж на мануфактуре Ревельона. Это было началом крупных волнений, которые вовлекли парижские народные массы в революцию. Предместье стало объектом как восторгов, так и презрения, а в ходе дальнейших событий оно оказалось одним из бастионов антиаристократической революции, одним из надежных оплотов в борьбе с контрреволюцией. Во времена лихорадочной народной агитации именно к этому предместью были обращены взоры и тех, кто надеялся на его вмешательство в события, и тех, кто опасался такого вмешательства. Именно здесь впервые прозвучал призыв “Отечество в опасности!”, и отсюда в дни восстаний двигались вооруженные толпы, которые спускались по Сент-Антуанской улице от аркады Сен-Жан, выходящей на Гревскую площадь. Кем же были жители предместья, эти ужасные орды для одних и герои народной эпопеи — для других? Этот вопрос возникает вновь и вновь, потому что и после революции их подвиги были продолжены и на баррикадах 1848 г. и в драматических событиях Коммуны 1871 г.

Знакомство с этим рабочим районом очень важно также для изучения структуры парижской промышленности, в частности производства художественной мебели о его знаменитых мастерских. При этом возникает вопрос, каково же было значение революционного и имперского периодов в переходе от прежних форм производства к новым, капиталистическим, в трансформации традиционных трудящихся классов. Часто высказывалось мнение, что парижская промышленность развивалась медленно, что ремесленные структуры сохранялись очень долго со всеми вытекающими отсюда социальными и идеологическими последствиями¹. Отмена привилегий и цеховой системы предоставила свободу промышленному развитию и открыла путь капитализму. Однако Париж представлял собой особый случай: хотя столица еще при старом порядке являлась центром распространения новой техники, нельзя сказать, что здесь быстро развивалась крупная промышленность.

В Париже больше, чем в других городах, было развито производство предметов роскоши, а в конце XVIII в. в этой отрасли крупные предприятия были еще исключениями. Работа производилась во множестве мелких мастерских ремесленного типа. Раздробленность была особенно велика в тех отраслях, где рабочие трудились на дому, а во главе стоял торговец-фабрикант. Такая структура, связанная с торговым капиталом, была характерна для некоторых производств модных изделий и предметов роскоши, например часов, дамских украшений, дорогой мебели. Сент-антуанские резчики по дереву и краснодеревщики не могли избежать зависимости от торговцев, которые продавали их продукцию. Революция позволила этим ремесленникам, выступавшим бок о бок с активистами санкюлотами, сформулировать свои требования. В Париже их желание избавиться от традиционных структур особенно ясно проявилось в связи с распределением заказов на военное снаряжение². Надеясь подлинно революционным путем достигнуть заимствованного у Руссо социального идеала и стать независимыми мелкими производителями, они не могли мириться с монополией капиталистических торговцев-фабрикантов и требовали права свободно производить для рынка. Во время террора санкюлоты попытались навязать революционному правительству свою структуру промышленности заставить его признать свободу за мелким производителем, но им не удалось преодолеть сопротивление средних классов³. Сложившаяся ситуация и данном случае непосредственные военные нужды, а также исход борьбы за власть, появившаяся в связи с ним у правящих классов необходимость пересмотреть в III году Республики свои союзы привели к тому, что санкюлоты не смогли обрести свободу действий. Проводя политику золотой середины, термидорианцы не могли не считаться с интересами крупных негодантов и торговцев-фабрикантов.

В периоды Революции и Империи предместье переживало различные времена, знало удачи и неудачи, претерпело двойной политической и экономической — сдвиг, причем даже Брюмер не означал коренного перелома. Если народная революция на короткий срок выдвинула санкюлотское предместье на парижскую авансцену, то репрессии после прерияльского поражения явились началом его постепенного политического ослабления. В то время как традиционное производство предметов роскоши было сильно затронуто войной, Революция и продажа национальных имуществ создали условия для возникновения и развития новых отраслей промышленности. Между тяжелыми годами Директории и Консульства, с одной стороны, и кризисом конца Империи — с другой, выделяются несколько счастливых лет 1806-1810 гг., когда снова открылись мастерские и особенно заметно стала развиваться новая хлопчатобумажная промышленность. Углубленный анализ состояния различных секторов производства позволит лучше понять суть происходивших изменений и увидеть, как на них реагировали жители предместья и как оно само менялось⁴.

В конце XVIII в. Сент-Антуанское предместье представляло собой наполовину сельский район, в особенности та его часть, которая примыкала к землям, недавно присоединенным к городу новыми таможенными заставами. Здесь еще возделывались большие участки земли и жило много наследственных садовников и огородников, которые роднились между собой. Около бульваров и вдоль улиц, которые лучами расходились в сторону полей, образовался под защитой Сент-Антуанского аббатства ремесленный квартал. 43 тыс. жителей предместья (7% всего парижского населения) распределялось очень неравномерно. Городское население теснилось в домах самых густо населенных кварталов за площадью Кастилии, где многочисленные тупики, дворы, проходы образовывали сплошную сеть; запад секции Монтрей контрастировал с деревенским по виду кварталом востока и юга, виноградниками Фонтараби и Пти Шарон, огородами и садами Попенкур и Кенз-Вен, пансионатами и большими монастырями бывшей деревни Пикпю. Сплошная урбанизация района была еще делом будущего. За исключением нескольких главных улиц, Сент-Антуанское предместье даже при Наполеоне выглядело во многих местах совсем по-деревенски.

Демографическое исследование показывает, что в XVIII в. в результате иммиграции из провинции население предместья в значительной степени обновилось: только треть жителей родилась в Париже. Будучи в основном выходцами из Парижского района, Центрального массива, востока и севера Франции, иммигранты пополняли ряды ремесленников всех специальностей, подсобных, неквалифицированных рабочих; кроме того, существовала еще сезонная иммиграция, особенно строителей и садовников, а также представителей такой типичной для уроженцев Оверни профессии, как производство металлической посуды. По некоторым признакам при Директории и Консульстве иммиграция сократилась, по-видимому, в связи с упадком производства предметов роскоши. Убыль населения, достигшая тогда одной пятой, была восполнена лишь в начале Реставрации.

Анализ профессиональной структуры показывает относительное социальное единство предместья, где в массе своей проживали много работников физического труда, а также весьма значительное число мелких ремесленников. Так, согласно полицейским реестрам, 91% жителей во время Революции занимались профессиями, связанными с производством и распределением. В мебельной промышленности было занято 43% трудящихся, в производстве продуктов питания и на транспорте — 10%; в целом эти характерные для ремесленного Парижа отрасли давали средства к существованию более чем половине жителей предместья (53%). Разумеется, в начале Революции в районе насчитывалось несколько крупных мануфактур, например стекольная на улице Рейи, на которой в 1791 г. работали приблизительно 500 человек, обойная, принадлежавшая Ревельону, на улице Монтрей (350 человек) и предприятия по производству фаянса и фарфора в секции Попенкур (в среднем по 40 человек). Добавим к этому несколько текстильных мануфактур, например находившуюся на улице Рейи и принадлежавшую Люка и по производству лент во дворе церкви Сен-Жозеф, принадлежавшую Перро (более 10 человек), а также пивоваренные заводы, которые не требовали большого числа рабочих рук, но нуждались в обширных помещениях и значительных капиталах. Хотя эти мануфактуры являлись крупными заведениями, в техническом отношении большого прогресса на них не наблюдалось, во всяком случае — в XVIII в. Какие-то новшества были введены в некоторых поощряемых правительством мастерских, открытых на землях богадельни Кенз-Вен. Они представляли собой передовые островки, окруженные традиционным ремесленным производством.

Модернизация затронула предместье лишь при Консульстве, когда стала возникать механизированная хлопчатобумажная промышленность: Ришар и Ленуар в VIII году обосновались на улице Шарон на территории монастырей Бон-Секур и Тренель, купленной ими в VIII и в X годах; Делатр и Вибер в XIII году создали свою прядильню в бывшем монастыре госпитальеров Рокет, а Баке и Селарье — в монастыре Попенкур. Число веретен выросло с 14 200 в XII году до 33600 в 1806 г. и 46586 в 1808 г., т. е. увеличилось на 228%. Выделялось предприятие Ришара со своими 20 тыс. веретен и 40% всех прядильщиков предместья. Ришар объединил в своих мануфактурах прядение, ткачество и производство машин, при этом 1000 рабочих, занятых в его мастерских в предместье, составляли лишь 7% всех его рабочих, что еще больше выделяло его на общем фоне. Рядом с этим гигантом остальные мануфактуры выглядели еще более мелкими, а некоторые — почти ремесленными. В хлопчатобумажной промышленности наряду с весьма современным прядением сохранялись традиционные приемы в ткачестве, которое производилось иногда на дому. Кризис 1811—1814 гг. покончил с этим процветанием, затронув все без исключения отрасли производства в предместье. Несмотря на предоставленные правительством заказы и кредиты, экономический упадок привел к большому числу банкротств, которые волнами продолжались до конца Империи.

Хотя капиталистическая индустриализация в Сент-Антуанском предместье носила массовый характер и была весьма заметной, она не послужила началом глубоких преобразований структуры производства, и этот район надолго остался верен ремесленным профессиям.

Действительно, большинство трудящихся были ремесленниками, но ремесло в предместье развивалось в особых условиях. Ремесленники здесь, как известно, издавна пользовались привилегиями, разрешавшими им трудиться вне цехов. И свою очередь, члены цехов, завидуя этим привилегиям, пытались добиться их отмены. Цеховые уставы предоставляли им право посещать местности, на которые были распространены эти привилегии, и контролировать качество производимой там продукции; они имели также право конфисковать в Париже товары, производимые в этих местностях. Можно себе представить, как это мешало торговле, тем более что цехи охотно пользовались этими правами. Эдиктом от 23 августа 1776 г., восстанавливавшим цехи после реформ Тюрго, Людовик XVI попытался подчинить предместье общим правилам, облегчить для владельцев мастерских получение звания мастера. Этот эдикт не покончил с придирами, которым постоянно подвергались ремесленники, хотя накануне Революции ремесленная верхушка предместья была включена в иерархически организованные цеха. Все же, наряду с заведениями этих мастеров и подчас поставляя им свою продукцию, развивались многочисленные мелкие мастерские, что было связано с, хотя и относительными, свободами, предоставленными Сент-Антуанскому предместью. Ведь если бедный ремесленник хотел работать самостоятельно или открыть мастерскую, не имея звания мастера, он мог это сделать лишь там, где существовала привилегия. Поэтому льготы, которыми пользовалось предместье, несомненно сыграли решающую роль в формировании и эволюции социальных структур.

Фрагментарность имеющихся документов препятствует получению точных статистических данных, но, суммируя сведения из различных источников, можно выявить характерные черты социальных и профессиональных отношений в среде ремесленников предместья. Изучение полицейских реестров приводит к выводу, что число профессий увеличивалось и труд ремесленников превращался во множество очень мелких операций. В производстве мебели насчитывалось по меньшей мере 25 специальностей, а в работах по металлу — около 40, например шлифовщики, прокатчики, ножовщики, гвоздари, булавочники, производители иголок... Такая узкая специализация мастерских неизбежно вызывала увеличение их числа. Уровень концентрации в том или ином виде работ зависел от стоимости орудий и инструментов. Даже в одной отрасли он мог быть очень разным.

Социальное положение ремесленника определялось его местом в производстве. Существовала целая иерархия — от работника на дому до главы предприятия, причем границы внутри иерархии были очень неопределенными, что нашло свое отражение в словаре: слово, означающее какую то профессию, могло относиться и к подмастерью, и к ремесленнику, и к главе предприятия. Однако некоторые тенденции можно выявить.

Если говорить о торговцах предместья, занятых преимущественно в торговле продуктами питания, то это были в основном мелкие лавочники. Проводившиеся во время Революции переписи позволяют довольно точно установить, чем они торговали⁵. Среди мелких лавочников в предместье насчитывали 200 торговцев вином, лимонадом, пивом и водкой, 80 бакалейщиков, 83 булочника, а в секции Монтрей 30 торговцев фруктами, которые были не в состоянии оплатить свой патент.

Различные переписи торговцев продуктами питания позволяют насчитать 657 мелких хозяев. А полицейские реестры содержат сведения о 829 лицах, имеющих отношение к снабжению продуктами. В целом концентрация наемного труда в этой области была очень слаба.

Революция, отменив ограничения, привела к значительному увеличению числа мелких хозяев, например число булочных выросло приблизительно на 50%⁶. В секции Попенкур, согласно протоколу комиссара полиции, в III году в 13 булочных работало 23 подручных: у одного булочника их было три, у восьми по два, а у четырех — по одному⁷, т. е. в среднем по 1,7 человек. В секции Кенз-Вен булочные были еще меньше: в VI году только в двух работало по одному подручному, а в остальных 33 их не было совсем⁸. Подобное положение было, по-видимому, и в секции Монтрей. В целом в предместье два булочника из трех работали без подручных.

Кроме зарегистрированных булочников, были также продавщицы, не имевшие своей пекарни, например, такие, как вдова Герр, обратившаяся в феврале 1793 г. с просьбой о включении ее в число булочников секции Кенз-Вен: булочник из этой секции каждую неделю печет в расчете на нее хлеб, который она в базарный день продает на площади Мюбер⁹.

В мелкой торговле продуктами женщины играли очень большую роль, что подчеркивал Мерсье: «Все съестные припасы проходят через их руки; это они продают вам птицу, рыбу, масло, сыр, ловко и проворно вскрывают устриц. Женщины торгуют солью, табаком, гербовой бумагой, лотерейными билетами». Женщины заняты в мелочной торговле бижутерией, книгами, скобяным товаром: они покупают, перевозят, обменивают, продают и пере продают¹⁰.

В ремесленной среде женщины помогали своим мужьям: «Они работают вместе с мужчинами, и это их устраивает, так как в их распоряжении остаются какие то деньги, — пишет Мерсье о женах ремесленников и мелких торговцев. — Женщина — душа лавочки или мастерской...»¹¹. Некоторые вдовы также занимались мелкой торговлей. В отдельных профессиях широко использовался женский труд, например в производстве зонтов¹². Женщины работали также по металлу. Например, в жестяной мастерской были заняты мастер-лудильщик, пять подмастерьев, два подручных и шесть отделочниц¹³. Наконец, существовали почти исключительно женские занятия, например шитье, стирка белья.

Некоторые отрасли ремесленного производства имели тенденцию к концентрации наемного труда. Подрядчики на строительстве, кожевники использовали иногда больше десяти рабочих. Столько же рабочих имели и мастерские по производству дорогой мебели, преимущественно специалистов по бронзовым украшениям и резчиков. В строительном деле в 1790—1791 гг., согласно просьбам о размене ассигнатов*, хозяин имел в среднем по 15 рабочих¹⁴. Заметим, однако, что эти рабочие не обязательно трудились в одном месте. В то же время в строительстве сохранялись очень прочные ремесленные традиции. В Сент-Антуанском предместье на 57 предприятиях трудилось 900 рабочих; у каменщиков на одного хозяина приходилось по 20 рабочих, а у плотников — по 14. Среди последних число наемных рабочих, по-видимому, сохранялось довольно стабильно круглый год, хотя мало кто из них дает сведения за зимний период. Среди каменщиков, наоборот, можно констатировать значительное снижение численности рабочих с ноября по март. На двух наиболее крупных предприятиях летом приходилось по 32 рабочих на одного хозяина, а зимой — по 19, т. е. сокращение приблизительно на 40%¹⁵.

Что касается более или менее крупных предприятий, то для Сент-Антуанского предместья мы располагаем их перечнем, сделанным министром полиции в VII году Республики¹⁶. Составленный в период безработицы, этот перечень неполон, так как не включает такие важные отрасли промышленности, как текстильная, строительная, пищевая. Но по другим отраслям он дает более точные сведения о концентрации рабочей силы, чем папка с заявлениями о размене ассигнатов¹⁷. В кожевенной промышленности и в производстве крахмала, согласно этому перечню, в VII году приходилось по 40 рабочих на одного хозяина. Но если не считать кожевенный завод братьев Кулон, на котором было занято 150 рабочих и который являлся исключением, то средняя численность рабочих в остальных мастерских составляла 10,5 человека. На пивоваренных заводах концентрация рабочей силы была несколько слабее — 8,2. Металлургические предприятия имели в среднем по 4,5 работника, тогда как самые крупные мастерские столяров-краснодеревщиков — по 3,9. Этот расчет сделан во время кризиса, и министр специально указывает, что за несколько месяцев до того, к примеру, в некоторых слесарных мастерских трудились по 10 рабочих. Это означает, что обычно концентрация была выше. Но тот же документ свидетельствует, что некоторые дворы, а также улица Сент-Антуанского предместья и улица Шарантон были заселены в основном торговцами и ремесленниками, работающими и торгующими на дому, хотя число их трудно установить.

К сожалению, почти невозможно выделить надомников, работающих по найму, которые находились на низшей ступени в экономическом и социальном отношении, будучи зависимыми от негоцианта или от торговца, который предоставлял им сырье и скупал их продукцию и сам устанавливал расценки, они по своему положению приближались к наемным рабочим. Эта структура, связанная с торговым капитализмом, способствовала раздроблению производства среди множества мелких мастерских.

* * *

На примере мебельной промышленности и торговли мы можем себе представить, как складывались производственные отношения в среде ремесленников Сент-Антуанского предместья, тем более что связанные с этой отраслью профессии здесь явно преобладали: согласно свидетельствам о гражданской благонадежности, 17% жителей были заняты в ней, главным образом в секциях Кенз-Вен и Монтрей. Во время Революции 11,4% жителей предместья были столярами краснодеревщиками.

Поскольку при Старом порядке обе эти профессии были объединены в одном цехе, не похоже, чтобы они так различались, как об этом пишет Пьер Верле в своем очерке¹⁸. Его предположение, что в бывшем квартале Бон-Нуviel жили преимущественно столяры, а в Сент-Антуанском предместье краснодеревщики, вряд ли можно отнести ко времени Революции. Впрочем, такое разделение не соответствует и сути этих профессий. Их представители должны были работать совместно; для изготовления дорогой мебели нужна была помощь живущих рядом мастеров — токарей, резчиков, позолотчиков, художников и обойщиков.

Сохранившиеся с конца Империи протоколы мировых судов свидетельствуют об устойчивости исконного разделения труда между множеством мелких специализированных мастерских¹⁹.

Только обойщики стояли несколько особняком, так как они замыкали процесс производства мягкой мебели и потому играли важную роль в мебельной торговле. Мастерские обойщиков находились рядом с мебельными лавками в самом начале главной улицы предместья, между площадью Бастилии и пассажем Буль-Бланш.

Численность представителей отдельных профессий во время Революции и Империи довольно значительна, и нет доказательств большого перевеса краснодеревщиков. В полицейском реестре были перечислены 1057 столяров и 952 краснодеревщика. В 1807 г. насчитывалось 182 столяра и 221 краснодеревщик, имевших патенты²⁰. Эти цифры, по-видимому, включают и надомных рабочих, долю которых трудно установить. Согласно опубликованным Аларом спискам лиц, имеющих патенты, в XIII году во всем городе 48,4% столяров и 63,6% краснодеревщиков в Париже были надомниками. Пять основных профессий, связанных с производством мебели, — столяры, сундучники, краснодеревщики, токари по дереву и обойщики — насчитывали в Париже 2246 работников, имеющих патенты. Почти половина из них были надомниками.

Согласно заявлениям о размене ассигнатов, в начале Революции концентрация рабочих в столярных мастерских была значительно выше, чем у краснодеревщиков²¹. По-видимому, так же обстояло дело и при Империи, тем более, что среди краснодеревщиков было много надомников.

Изучая, откуда происходили и каковы были судьбы 186 столяров-краснодеревщиков, мы смогли выяснить некоторые аспекты социальных отношений среди ремесленников. Так как сохранилось больше документов периода Революции, мы выяснили, что в это время из 186 ремесленников трудились 112, т. е. 60%; 42 человека занимались своей профессией как во время Революции, так и при Империи, и 32 — во время Империи и после нее²².

У нас есть сведения о месте рождения 122, т. е. 65,6% столяров и краснодеревщиков. Из них 53 человека, т. е. 43,4% — парижане, 43 или 35,2% — родом из провинции, в том числе 15 человек родились на востоке страны; наконец, 26 человек, т. е. 21,3% — иностранцы. Так как предместье обычно притягивало много иммигрантов, долю парижан надо признать значительной: 55% столяров и 40% краснодеревщиков; треть последних — иностранцы, в большинстве — немцы²³. Краснодеревщики провинциалы прибывали преимущественно с востока, главным образом — из Эльзаса. Столяры приезжали из разных мест, но среди них не было иностранцев²⁴.

Почти половина ремесленников, о которых здесь говорится, были цеховыми мастерами, причем доля мастеров среди краснодеревщиков была несколько выше. Несомненно, им было труднее действовать вне цехов: необходимость продавать продукты своего труда богатым покупателям, живущим за пределами предместья, делала их более уязвимыми для придинок со стороны цеховых мастеров. Возможно также, что цехи больше преследовали вновь прибывших, особенно иностранцев. Показательно, что из 26 краснодеревщиков-иностранцев 17 человек, т. е. 65 %, получили звание мастера.

Среди хозяев мастерских значительная часть, не имея звания мастера, были сыновьями мастеров; это относится к 22 из рассматриваемых здесь столяров-краснодеревщиков; пятеро сами являлись мастерами, а девять были сыновьями столяров-краснодеревщиков и наследниками своих отцов. При Империи четверть известных нам столяров-краснодеревщиков были сыновьями мастеров или столяров-краснодеревщиков.

Родственные связи и организация труда внутри профессии, несмотря на большое разнообразие условий жизни и производства, способствовали тому, что мебельщики образовали в предместье сравнительно сложную социальную группу. Несколько семейств обладали определенным престижем, что объяснялось давним существованием их предприятий или тем, что некоторые их члены занимали какие-то должности в цехах. Подчас создавались даже целые кланы, что было результатом наследования от отца к сыну и браков внутри кланов. У ремесленников вообще было довольно широко распространено наследование отцовской профессии. Сыновья сначала помогали отцам, а потом становились их наследниками; чаще сын открывал новую мастерскую в квартале, так как отцовская была мала. 42 столяра-краснодеревщика предместья во время Революции и Империи имели одного или несколько сыновей, занимавшихся той же профессией, 21 из них женился на дочери столяра или краснодеревщика, два — на вдовах краснодеревщиков.

Такие браки заключались главным образом среди краснодеревщиков, по-видимому, из религиозных соображений: 17 краснодеревщиков женились на дочерях краснодеревщиков, три — на дочерях столяров. Нередко бывало, что в одной семье три человека одновременно занимались одним и тем же делом. Мы столкнулись с 24 такими случаями. Многие столяры краснодеревщики имели по крайней мере одного брата той же профессии.

Среди этих семей столяров-краснодеревщиков не менее чем в десяти случаях ремесло переходило от отца к сыну в трех поколениях. Знамениты были династии краснодеревщиков Левассёров, Эберхардов из Саксонии и династия Сонье, которая существовала в течение всего XVIII в., а также Вассу, которые наследовали друг другу с середины XVIII до середины XIX в. Среди столяров укажем династии Эполяров, Мансионов, Боннеменов.

Можно указать много больших семей, например породнившиеся семьи Комонов и Бутенов. Мастер Рене Бутен, депутат коммуны в 1754 г., был каретником на ул. Шарон, а во время Революции — собственником маленького заведения при въезде в предместье. У него было два сына, которые занимались тем же делом; Жак Рене, именуемый Бутен-младший (1761-1807), получил звание мастера в 1782 г. Жак Комон, родившийся в предместье в 1736 г., женился на Мари-Клод Бутен. Он стал мастером по королевскому эдикту 1774 г., десять лет спустя депутатом коммуны, а во время революции занимал различные гражданские должности. У него был десяток рабочих, и он был собственником двух домов в предместье. Его дочь Анн-Виктуар вышла замуж за столяра Дансемюля, а два сына были краснодеревщиками в предместье: старший, Жан Клод Франсуа, в 1789 г. женился на дочери столяра Пьера Вожуа; во время революции у него было шесть рабочих; он умер в 1802 г., через два года после смерти своего отца. Его брат, Клод Эманюэль, унаследовал собственность отца на улице Траверсьер. Выли ли у него неудачи в делах? Ко времени своей смерти в 1831 г. в Сент-антуанской больнице он был банкротом²⁵.

Еще более известны были породнившиеся семьи Лакруа и Левассёр. Это две знаменитые династии краснодеревщиков, отцы-основатели которых жили в предместье с 30-х годов XVIII в. Сын краснодеревщика Франсуа Вандеркрюза Роже Вандеркрюз, именуемый Лакруа (1727—1799), получил звание мастера в 1755 г.; он был синдиком, затем незадолго до революции депутатом коммуны. Он унаследовал после своего отца мастерскую на улице Фобур; во время Революции у него было шесть рабочих. Три его сестры вышли замуж за краснодеревщиков; таким образом Лакруа стал шурином Жана Франсуа и Симона Обена, затем Ризенера, а также уроженца предместья Этьена Симона Гийома (1734—1816). Последний в 1751 г. открыл мастерскую на улице Рокет, но не был столь знаменит, как его родственники. Дочь Роже Вандеркрюза вышла замуж за Пьера Этьена Левассёра, сына краснодеревщика Этьена, который работал у одного из сыновей Буля. Их сын, именуемый Левассёр-младший, сохраняя семейные традиции, работал до 1833 г. в предместье, а затем во дворе Арсенала. Эти две династии, несмотря на то, что они славились своим мастерством, во времена Империи, по-видимому, не очень процветали. В 1813 г. вдове Вандеркрюза, которой тогда было 86 лет, по просьбе краснодеревщика Маньена было предоставлено пособие в три франка в месяц, как неимущей старухе²⁶.

В лучшем положении находились две другие семьи парижских краснодеревщиков Пети и выходцев из Баварии Шлихтигов-Веберов. Жан Мари Пети, сын краснодеревщика Жана, получил звание мастера в 1777 г. и наследовал своему отцу, сохранив его клеймо. Его мастерская находилась в начале улицы Сент-Антуанского предместья в доме его сестры Элизабет Адриен. Последняя была замужем за мастером краснодеревщиком Жаном Жоржем Шлихтигом, родом из Баварии. В последнее десятилетие Старого порядка два его племянника, сыновья баварского фермера, поселились в предместье в качестве краснодеревщиков. Один из них, Жан Ванделен, в 1785 г. женился на дочери краснодеревщика Жана Мари Пети из прихода Сен-Маргерит и на следующий год получил звание мастера; жена принесла ему полученное от тетки Шлихтиг приданое в 300 ливров. В мастерской двух братьев Веберов на улице Сен-Николя во время Революции было 18 рабочих. Затем они перебрались на улицу Шабане, а после 1814 г. на улицу Понсо, в дом, принадлежавший их тетке Шлихтиг. Мастерская продолжала существовать и при Империи, так как ко времени банкротства в 1814 г. ее актив насчитывал более 25 тыс. фр. Здесь изготавливали обычную мебель. Таким образом, эта большая семья во время Революции насчитывала в предместье по крайней мере четыре работавших краснодеревщика. Вдова краснодеревщика Шлихтига Элизабет Адриен Пети владела тремя домами в начале улицы Фобур. Два из них оставались собственностью семьи Пети до самой Реставрации. Сын Жана Мари, Жан Николая, до 1817 г. занимался своим ремеслом в доме, принадлежавшем семье (улица Фобур, 150). После смерти отца он стал собственником обоих домов, один из них он продал и поселился на улице Шарбоньер, где и умер в 1832 г.²⁷

Эти семьи пользовались в предместье определенным престижем. Родственные связи усиливали чувство общности интересов и профессиональную солидарность. В больших семьях семейная солидарность шла на пользу новым родственникам, способствуя их профессиональным успехам. Однако не следует преувеличивать. В среде, где можно было сравнительно легко добиться индивидуальных успехов, но столь же легко потерпеть крах, социальные различия были неустойчивы.

Среди 11 самых крупных мебельных фабрикантов, указанных префектом полиции в 1807 г., четверо были старыми мастерами, ко времени Революции уже 20 лет проживавшими в предместье, двое — сыновьями мастеров, достигшими в конце Старого порядка звания мастера, а пятеро новичками в данной профессии, по-видимому, не связанными с местными семьями краснодеревщиков²⁸. Последнее относится, в частности, к самому крупному предпринимателю района Серкусу. Обосновавшись сначала в еврейском квартале, он, когда его предприятие расширилось, перенес его в начало улицы Фобур, в дом вдовы Эрикур. У него были деловые связи со многими торговцами. В 1803 г. он фигурирует среди самых крупных кредиторов краснодеревщика и торговца мебелью Менессона²⁹.

Социальнопрофессиональные успехи ремесленников в большой мере зависели от той роли, какую они играли в производстве мебели и торговле ею. Как и во многих других отраслях производства предметов роскоши, здесь велико было значение торговли. Производственные отношения были сложными, они переплетались на нескольких уровнях. В этом подвижном и разнообразном мире нельзя выявить четкую структуру.

В начале Революции владелица предприятия по торговле галантерейным товаром на улице Фобур, вдова мастера Николая Эрикура, указала, что на нее работают на дому до сотни рабочих. Список, приложенный к ее досье, содержит имена 85 ремесленников предместья; 60 столяров-краснодеревщиков, из них половина цеховые мастера, и 25 человек, владеющих подсобными профессиями: позолотчика, литейщика, резчика, скульптора и т. д. Среди этих ремесленников 13 имели звание мастера, а некоторые сами нанимали рабочих, каждый из которых получал от 15 до 48 ливров в неделю; это свидетельствует о том, что они работали на дому³⁰. По-видимому, наследником вдовы Эрикур был ее племянник Луи Клод Менессон. Мы встречаем его имя в связи с проектом мебельной лотереи, предложенной в трудные времена VII года Гоншоном, бывшим знаменитым оратором предместья. Этот Менессон, названный “торговцем-фабрикантом”, предложил выделить на 25 тыс. фр. товаров, чтобы положить начало этому мероприятию. В бухгалтерских книгах Менессона значится, что ко времени своего банкротства в 1803 г. он покупал мебель у многих краснодеревщиков; среди тех, которому он остался должен, мы находим 14 столяров-краснодеревщиков предместья³¹. Он сам имел денежные дела с парижскими ковровщиками и другими городскими торговцами, например Колиншоном, крупным мебельным торговцем на бульваре Пуассоньер. Краснодеревщики предместья работали также непосредственно на парижских торговцев; это видно из бухгалтерских книг торговца Тринциуса с улицы Сен-Марк³².

Как краснодеревщики, так и производители обычной мебели при старом режиме сбывали свою продукцию не только частным лицам, но и придворным зрителям мебели, а после Революции — аналогичным государственным служащим. Вот, например, мастер Адриан Пьер Дюпен. Специализировавшись на изготовлении резных стульев, кресел и кроватей, он работал на королевский двор. Во время Революции его мастерская, расположенная на улице Шарон, 9, имела 20 рабочих. В V году он был собственником трех домов на той же улице, а в VIII году он приобрел дом, принадлежавший английским монахиням, который с 1781 г. снимал внаем³³.

Столяр-краснодеревщик, которому удалось скопить небольшой капитал, обычно предпочитал не расширять свою мастерскую, а заняться торговлей. Он сохранял собственную мастерскую, но вместе с тем на него работали его товарищи мелкие ремесленники. Эти торговцы-фабриканты не обязательно происходили из старинных семей столяров-краснодеревщиков. Во время Империи среди них было много провинциалов, появившихся в предместье за несколько лет до Революции. В 1790-1791 гг. у них были скромные мастерские: лишь у пяти было от четырех до восьми рабочих и только у одного - 12. Эти ремесленники смогли расширить свои предприятия, несмотря на кризис в период Директории. Во время Империи они выделялись величиной капиталов. Те, кто становились несостоятельными, судя по описи, имели на складах товаров не менее чем на 10 тыс., а подчас и на несколько десятков тысяч франков. У торговца-краснодеревщика Клода Матье Маньена товаров было больше чем на 100 тыс. фр.

Но большинство предприятий были значительно меньшими по размеру. 15 столяров-краснодеревщиков обанкротились в последние годы Империи. В десяти случаях нам известна сумма, в которую были оценены их мастерские: только у троих она превышала 10 тыс. фр. — у торговцев Шарпантье, Маё и Маньена. У остальных ремесленников она составляла от 400 до 3500 фр., в трех случаях не достигала тысячи. Это были семейные мастерские на три, пять верстаков. Вот, например, мастерская столяра Дезире Тертенуа на улице Шарантон. Когда в 1810 г. он обанкротился, его активы достигали 3000 фр. Его пять верстаков, инструменты и кое-какая мебель были оценены в 400 фр., а домашняя обстановка — в 339. Этот ремесленник со своей семьей жил в одной очень скромно обставленной комнате; в двух других находилась мастерская³⁴.

В качестве примера средней мастерской можно привести мастерскую Луи Шарля Менана, сына и наследника Клода. Ко времени банкротства в 1811 г. его мастерская с восьмью верстаками, лавка на несколько мест и личная обстановка оценивались в 1263 фр. Он со своей женой занимал помещение, состоявшее, помимо лавки и мастерской, из зала и спальни; он платил за него 400 фр. в год³⁵.

Даже когда дела шли хорошо, ремесленники сохраняли простой образ жизни. В большинстве случаев эта трудовая мелкая буржуазия была небогата, вкладываемые ею капиталы были невелики. Сохранялись мелкие предприятия с традиционными инструментами, иногда эти предприятия даже расширялись, несмотря на кризисы. Наиболее удачливые ремесленники старались обеспечить себя, приобретая недвижимость, которая приносила им некоторый доход: 38 столяров краснодеревщиков предместья были домовладельцами. Многие получали доход от своих домов; из 29 ремесленников, чьи поземельные налоги в V и XI годах нам известны, 69% платили больше 1 тыс. фр. Большинство собственников были коренными парижанами, многие — бывшими цеховыми мастерами или детьми мастеров³⁶.

Для того чтобы выяснить, существовала ли в действительности социальная мобильность после Революции, надо знать, сколько подмастерьев смогли подняться до положения хозяина. Можно привести несколько таких примеров. Жан Колер в 1791 г., когда он записался в волонтеры, был всего лишь подмастерьем краснодеревщиком, впоследствии поселился на улице Сен-Пиколи, а при Консульстве и Империи в некоторых документах о банкротстве указан как кредитор. Можно назвать также Маше, поселившегося в предместье в 1789 г. и работавшего сначала в качестве подмастерья, а в альманахах за 1795-1805 гг. указанного как хозяин. Ремесленная среда оставалась открытой для тех, кто действовал успешно, так как для обзаведения собственным делом требовался минимальный капитал. Но средств ремесленника редко хватало для того, чтобы обезопасить себя от превратностей. Требовалось несколько поколений, чтобы его семья действительно могла подняться по социальной лестнице. В большинстве случаев сыновья наследовали профессию отцов и продолжали жить в предместье в той же среде, в которой они выросли.

Социальная мобильность внутри профессии свидетельствует о прочности связей в ремесленном сообществе. Между подмастерьем и процветающим ремесленником, имеющим собственное дело, существовала целая гамма промежуточных ступеней, которые мог пройти в зависимости от удачи или неудачи каждый ремесленник. В этой относительно открытой среде самые стабильные элементы обычно сохраняли внутри каждого ремесла преемственность прочных семейных и профессиональных традиций. Родственные и соседские связи, а также внутривидовые отношения со всей их системой моральных и социальных ценностей поддерживали единство внутри сословия.

По-видимому, к 1815 г. в предместье не произошло каких-либо серьезных изменений ни в структуре производства, ни в условиях жизни. Большинство рабочих были мелкими ремесленниками, занятыми в производстве предметов роскоши. В дальнейшем, несмотря на явный подъем хлопчатобумажной промышленности, Сент-Антуанское предместье сохранило свою первоначальную специализацию³⁷. В 1848 г., когда крупная текстильная промышленность почти полностью исчезла в предместьях Парижа, 70% рабочих 8-го округа было занято в производстве мебели, одежды, предметов роскоши, т.е. в специфически ремесленном производстве. В то время как во всей Франции заметно прогрессировала крупная индустрия, здесь сохранялась ремесленная структура: на одного хозяина приходилось всего четверо рабочих³⁸. Только 12% хозяев имело более чем по десять рабочих, около половины трудились в одиночку или с одним рабочим. Самое большое развитие получило производство мебели и одежды, каждое из них сосредоточивало более 30% предприятий. По-прежнему больше всего рабочих было занято в производстве мебели: на 2276 предприятиях 8-го округа работали 13760 человек, из них 11512 в мастерских, т.е. в среднем по пять человек на одного хозяина; надо иметь в виду, что в этой отрасли были заняты 36,1% рабочих округа. Из 30 719 рабочих 3067 человек, т.е. около 10%, работали на дому у хозяина, а из 7318 работниц — 2449, т.е. одна треть, работали у себя дома. Больше всего работающих на дому было в мебельной, швейной и текстильной промышленности. Такой ход развития показывает, что здесь в отличие от других кварталов очень долго продолжали господствовать издавна существовавшие ремесленные профессии.

Отменив монополию цехов, Революция способствовала росту мелкого ремесла. Большая гибкость позволила мелким предприятиям пережить кризис производства предметов роскоши, приспособить свою продукцию к потребностям рынка. Во II году парижские ремесленники работали на армию; во время Империи некоторые из них обратились к машиностроению. Но большинство остается в зависимости от торговцев фабрикантов. Однако в связи с появлением мануфактур капиталистического типа можно обнаружить начало индустриализации, особенно в хлопчатобумажном производстве; такие мануфактуры создают богатые парижские негоцианты. В переходе от экономики старого режима к капиталистической экономике в течение долгого времени большую роль несомненно играет торговый капитал. Конечно, в среде мелкой буржуазии, т.е. мелких и средних независимых производителей, тоже шел процесс развития капитализма, но без существенных изменений в технике. Вместо того чтобы расширять свои мастерские, разбогатевший ремесленник предпочитал (во всяком случае, в производстве мебели) заняться торговлей и использовать домашних рабочих.

Средний размер мастерских оставался очень небольшим. В этой среде, которая все время обновлялась и где все зависело от личной удачи, богатство было умеренным и уровень жизни довольно низким. По-видимому, путь от маленькой мастерской до настоящего предприятия был достаточно долгим, социальная мобильность — довольно умеренной. Нужно было несколько поколений, чтобы семья ремесленника поднялась на значительно более высокую общественную ступень. Среди нотаблей Империи редко встречались нувориши, блестящие социальные успехи оставались исключениями. Происходившая при Наполеоне стабилизация укрепила позиции той части буржуазии, которая издавна существовала в этом районе.

Условия жизни трудящихся были по-прежнему нестабильными; документы общественной благотворительности, где приведены сведения о числе нищих, получающих помощь, показывают всеобщую нищету, особенно во время кризиса. Во II году в предместье, где проживало 7% парижан, доля нищих достигала 20%; треть жителей существовала за счет благотворительности; за время Директории в связи с кризисом их стало еще больше, и в начале Консульства их число достигло 46% (а в секциях Пепенкур и Кенз-Вен более 50%). Оживление при Империи не привело к исчезновению бедности: в 1804 г. 30% населения 8-го округа, в который входило Сент-Антуанское предместье, не могло обойтись без вспомоществования. А в конце Империи и результате кризиса их стало приблизительно 36%. Наряду с традиционными нищими — стариками, калеками, слепыми, а также

тружениками, получающими очень низкую заработную плату, — поденщиками, рассыльными, водоносами в это число входят квалифицированные рабочие и ремесленники, ставшие безработными. В 1813 г. больше всего страдали от безработицы сапожники, слесари, строители и текстильщики, точнее, текстильщицы, так как 70% неимущих в этой отрасли женщины. Даже в производстве предметов роскоши заработная плата была столь низка, что болезнь или отсутствие работы влекли за собой нищету. В конце Империи самые бедные жители предместья, т.е. те, кто не мог прожить без регулярных раздач натурой, осуществлявшихся местными благотворительными бюро, особенно в суровое время года, составляли по меньшей мере треть населения.

В условиях цензового режима всеобщая бедность жителей предместья мешала их политической деятельности, но зато они играли главную роль в революционных событиях: 70% участников взятия Бастилии были из трех секций Сент-Антуанского предместья; 10 августа секция Кенз-Вен понесла больше жертв, чем какая либо другая парижская секция. Представляя авангард народного движения, предместье было его последним бастионом в прериале III года. Даже если народные массы сошли тогда с исторической сцены, самая активная часть санкюлотов продолжала свою деятельность, хотя и не столь явно и последовательно. Впрочем, это относится скорее ко второму поколению революционеров, выходцев из народного Общества Кенз-Вен III года и Конституционного кружка V года. Их появление служит доказательством замечательного динамизма, противостоящего умеренности буржуазии. Об этом же свидетельствует и демократический подъем после выборов VI года. Но репрессии, последовавшие за покушением на Бонапарта на улице Сен-Никез, уничтожили левую оппозицию.

В течение всей Революции шла борьба за власть между мелкой ремесленной буржуазией, имевшей перевес с 1792 по II год Республики, и средней буржуазией, которая хотя в предместье и была в меньшинстве, однако обладала бесспорным социальным престижем: это была деловая буржуазия, рантье, образованные лица. Именно среди этих слоев средней буржуазии, представленных зачастую собственниками предместья, и рекрутировались политические кадры в начале Революции. В демократический период они были частично оттеснены ремесленниками и мелкими торговцами. Разделение общественных должностей в предместье с 1792 по II год Республики происходило на разных условиях, с определенными оттенками в каждой секции, вовлекая все новые слои в революционную борьбу. Среди санкюлотов существовала та же иерархия, что и среди ремесленников предместья, с много численными социальными нюансами. Но начиная с зимы III года снова приобрели прежнее влияние умеренные круги средней буржуазии. Именно они руководили репрессиями против народных активистов. Показателен в этом отношении весьма буржуазный социальный состав комитета бдительности 8-го округа и собрания выборщиков IV года. Демократический подъем VI года привел к изменению характера большинства, так как ремесленники и мелкие лавочники составили 58 % собрания выборщиков. Но установление Империи вывело их из политической игры и надолго обеспечило преимущество нотаблей.

Тем не менее демократический период явился для городских народных масс важным опытом, причем опытом единственным в своем роде, сохранившим огромную пропагандистскую силу для последующих поколений. Организация и политическая практика секций служили примером инициативы, соревновательности и порыва, идущих снизу. В памяти народа не угасли воспоминания о революционном энтузиазме, о героизме масс предместья, проявленных в великие дни осуществления суверенитета народа.

1 Paris, fonetion d'une capitale // Cahiers de civilisation. P., 1962, 168 p.

2 Soboul A. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement revolutionnaire, 2 juin 1793 - 9 thermidor an II. P., 1958.

3 О переходе от феодального способа производства к капиталистическому и о споре по поводу классического высказывания Маркса в "Капитале" о двух путях этого перехода (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. С.307) см.: Dobb M., Sweczy P. M. Du feodalisme au capitalisme: problemes de la transition. P., 1977(в первую очередь сообщения К. Такахаси и Дж. Прокаччи. Т.1. P.95-139; 199-217). Противоречия между мелкими производителями и капиталистическими торговцами-фабрикантами соответствуют противоречиям между промышленным и торговым капиталом, причем в конечном счете последний подчиняется первому.

4 Monnier R. Le faubourg Saint-Antoine (1789-1815). P., 1981, 367 p. (Societe des etudes Robespierriistes. Bibliotheque d'histoire revolutionnaire. Ser.3. N 21).

5 Archives Nationales, 7 4688⁴, F 11 1183 (далее: AN); Archives de la Prefecture de police. Aa 219. P.55, 97, 108; Aa 173. P.31, 92, 11H, 159, 2H7, 254 259; Aa 221, N 112.

6 Reinhard M. Paris pendant la Revolution. P., 1960. Pt 2. P. 175.

7 Archives de la Prefecture de police. Aa 219, 21 brumaire an III.

8 Ibid., Aa 221. P. 112 (22 thermidor an VI).

9 Ibid. Aa 220. P. 235.

10 Mercier L. S. Tableau de Paris. Amsterdam, 1781-1788. Vol. 9. P. 174.

11 Ibid. P. 173.

12 Encyclopedie methodique: Arts et metiers mecaniques. Vol.13. P., 1785—1790. Vol.2.

13 Ibid. P. 752.

* Demande de monnaie — заявление хозяина мастерской о размене ассигнатов на звонкую монету, чтобы платить рабочим. В заявлении указывалось количество рабочих в мастерской (*Примеч. переводчика*).

14 AN. F³⁰ 132, 141, 142.

15 Ibid. F³⁰ 132, dos. Frechot; F³⁰ 142, dos. Demoulin.

16 Ibid. F¹⁵ 103. "Tableau des manufactures, fabriques, brasseries et ateliers, qui existent dans le faubourg Saint-Antoine et quartiers environnants avec indication du nombre des ouvriers employes dans chacun de ces etablissements".

17 В этих досье учтены 4528 рабочих, занятых на 334 предприятиях. Из этого не следует, что степень концентрации равна 13,3 рабочего на одного хозяина, так как эти 334 предприятия составляли приблизительно 1/7 всех предприятий предместья. Пищевая промышленность и металлургия недопредставлены. В производстве мебели учтено лишь одно предприятие из четырех.

18 Verlet P. L'art du meuble a Paris an XVIII siecle. P., 1968. P.40. (Quo sais-je?)

19 Archives de la Seine. D⁸ U¹, cartons 34-43. 1810-1815, 8° arrondissement. Списки имущества, опечатанного в связи со смертью или банкротством владельца.

20 AN. F²⁰ 255. По данным Алара, в Париже в XIII году насчитывалось 1243 имеющих патенты столяров и 432 краснодеревщика. Половина краснодеревщиков и только 15% столяров приходились на предместье (*Allard P. Annuaire administratif et statistique du departement de la Seine, an XIII (1805). P.546-552.*) Среди надомных рабочих больше всего было занято в производстве одежды и модных товаров (3286), металлообработке (1337) и производстве мебели (1108). На парижских торговцев трудились на дому 1199, 138 чулочников, 104 шляпника и т. д.

21 Из 120 столяров-краснодеревщиков 37 человек, т. е. 30,8%, имели по 10 и больше рабочих, половина - от 4 до 9 (51 % из 60 хозяев имели от 4 до 6 рабочих), а 19,1 % использовали труд 2-3 рабочих.

22 Основным источником для этих подсчетов служили полицейские Растры и заявления о размене ассигнатов за 1790-1791 гг. (AN. F⁷ 4800, 4803, 4804; F³⁰ 132, 141, 142); списки поземельного налога за V год, протоколы о наложении печатей на имущества в связи со смертью или банкротством владельца (Archives de la Seine D⁴ L¹ 50, 51, 52; D⁸ U¹, cartons 34-43). Р.М.Эндрюс подчеркивает вертикальную солидарность цехового общества, при этом, возможно он несколько преувеличивает социальное значение ремесленных династий. См. *Andrews R.M. Reflexions sur la conjuration des Egaux // Annales. Economies. Societes. Civilisations. IV, P., 1974. P.2.*

23 Во время революции предместье насчитывало 43 тыс. жителей. Согласно полицейским реестрам, только треть из них родились в Париже. Некоторые признаки свидетельствуют, что во время Директории и Консульства иммиграция несколько сократилась, по-видимому, в связи с кризисом в производстве предметов роскоши.

24 Четыре столяра были родом из Нормандии, два из департаментов Нор и Па-де-Кале, один из Парижского района, два из Шампани, три с Востока, два из Центра и двое — с Юга.

25 Анн Комон, несомненно, сестра Жана, вышла замуж за краснодеревщика Пьера Герена (улица Сент-Антуанского предместья, 182). См.: AN. F³⁰ 132, F⁷ 4 804, F⁷ 4 635, dos. Caumont fils, commissaire civil de la section des Quinz-Vingt en l'an II; Q² 218 rue de Charonne; Archives de la Seine. D⁴, L¹ 51, rue Trversiere.

26 AN. F³⁰ 142; Archives d'Assistance Publique. 95, 2° liasse, 4° reg. Sept, 1813.

27 AN. F³⁰ 132, F⁷ 4 804; Archives de la Seine. D⁴ L¹ 51,, rue du Fabourg et D⁸ U¹ 37, N 1197, scelle M. A. Petit. 14 sept. 1811.

28 AN. F¹² 1569 Seine.

29 Archives de la Seine, D⁵ B⁶, reg. 5996, Menesson, an XI. Сошлемся также на Жана-Батиста Бенуа (улица Фобур 52, "Под двумя гербами"), у которого в 1807 г. было 12 рабочих. В конце Империи ему помогал сын, он открыл лавку в начале улицы Фобур и занялся в основном торговлей мебелью. Ко времени банкротства в 1814 г. у него хранилось много мебели, а его актив достигал 72 914 фр. (Archives de la Seine. D¹⁰ U³ I, fol. 515, N 1123; D⁸ U¹ 41, 3089).

30 AN. F³⁰ 132, dos. Hericourt. В приложенной к досье справке сказано, что вдова Эрикур, принадлежащая к корпорации суконщиков и галантерейщиков, “торгует мебелью и произведениями краснодеревщиков”. Из всех ремесленников, которым она дала работу, только 20 подавали заявления о размене ассигнатов и указывали в декларации, что имеют по несколько рабочих.

31 AN. F¹² 2410, Bois, Seine; Archives de la Seine. D⁵ B⁶, reg. 5996. Стоимость хранящейся у него на кладе мебели достигла более 11 тыс. фр.

32 Archives de la Seine. D⁵ B⁶, reg. 2977, an. X.

33 Поземельный налог вырос больше чем на 6000 фр. (Ibid. D⁴ L¹ 50, rue de Charonne; Archives Nationales, F³⁰ 141; *Monin, Lazard. Sommier des biens nationaux de la ville de Paris*. P., 1920. T.2. P.483).

34 Archives de la Seine. D¹⁰ U³ 1, f° 20, N 444; D⁸ U¹ 35. N 687.

35 Ibid. D⁸ U¹ 36, N 755. Его отец Клод Менан, уроженец Парижа, получил звание мастера в 1786 г., во время Революции у него было 11 рабочих. Он был рьяным революционером, одним из народных вождей секции Кенз-Вен; в октябре 1793 г. он был смертельно ранен в Северной армии.

36 Из 24 собственников, место рождения которых известно, 14 родились в Париже (58,3 %), семеро в провинции и трое — за границей. 68,4% собственников были прежде мастерами, шесть сыновьями мастеров или краснодеревщиков. Восемь собственников платили от 300 до 1000 фр. поземельного налога, семь — от 1000 до 2000, девять от 2000 до 3000 и четыре от 3000 до 7000 (Archives de la Seine, D⁴ L¹ 50, 51).

37 О развитии промышленности в Париже во время Империи см.: *Bergeron L. Banquiers, negociants et manufacturiers parisiens du Directoire a l'Empire*. P., 1979.

38 *Statistique de l'industrie a Paris resultant de l'enquete faite par la Chambre de Commerce*. P., 1851. Tabl. 1, 12. Самая высокая концентрация была в химическом и керамическом производстве (9,3 рабочего на одного хозяина), затем шла металлообработка (8,9), текстиль (7,2); самая слабая была в производстве одежды.